

[00:00:00] [Начало записи]

Владимир Ремыга: На самом деле, у меня подготовлен большой доклад с презентации, но поскольку время мое ограничено пятью минутами, то я постараюсь очень коротко, но, надеюсь, достаточно четко. В известной степени это повторение моего доклада на президиуме Академии наук, который мы делали 14 марта. Аскар Акаевич пошутил, что после этого состоялось это безобразие потом, но, на самом деле, мы получили с Андреем Владимировичем и с Юрием Владимировичем чуть ли не поручение подготовить записку по поводу одного очень важного мероприятия, и на это я бы хотел обратить ваше внимание.

14-15 мая в Пекине состоится огромная конференция. Эта конференция называется «Один пояс – один путь». Уменьшить значение этого мероприятия невозможно. В этой конференции будут принимать участие более 20 руководителей государств (те, которые имеют отношение к Экономическому поясу Шелкового пути), более 50 руководителей международных организаций, и порядка 100 участников, как написано в этом заявлении, министерского уровня. Главным гостем – это четко подчеркнуто – этой конференции является Владимир Владимирович Путин. Я задаюсь таким вопросом.

Давайте очень тезисно спрогнозируем, что могло бы быть на этом мероприятии. С одной стороны, мое положение облегчается тем, хотя мы приглашали тут большое количество наших китайских партнеров и коллег, и мы пригласили директора Института России и стран Центральной Азии, он выступал на первой нашей части. Он человек очень грамотный, мы с ним выступали на очень многих конференциях, на питерских форумах. Он достаточно критично относится, и вы это почувствовали. Поэтому я буду говорить предельно откровенно и просто.

Печка, от которой есть смысл нам дальше рассуждать – это было совместное заявление, о котором говорил Сергей Юрьевич, которое подписал Путин и Си Цзиньпин, о сопряжении нашего Евразийского союза и Экономического пояса Шелкового пути. Очень мало кто заметил, что после этого Путин дал конкретное развитие своей мысли. Он сказал, что это соглашение подразумевает создание единого Евразийского экономического пространства. Это как-то не было замечено. Но даже в это соглашение эта позиция Путина была вставлена.

После этого Владимир Владимирович Путин на Петербургском форуме год назад выступил с инициативой о создании Большого евразийского партнерства, а после этого в послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года он развил эту мысль о формировании Большого евразийского партнерства, и даже назвал страны, которые тяготеют к этому делу.

Поначалу китайцы очень спокойно отнеслись к этому делу. Сказали, и они даже благожелательно осветили эту тему. Потом, когда был Владивостокский форум, и когда к этой инициативе подключилась Япония, потом Южная Корея, а потом и некоторые другие страны, тут-то китайцы, я бы сказал, испугались. Что не традиционно для китайских внешнеполитических вещей – даже запаниковали. «Как это так? Получается, что мы, китайцы, выдвинули инициативу "Экономический пояс Шелкового пути", мы лидеры в этой затее, а тут вдруг возникло предложение о Большом евразийском партнерстве»... Ведь сама инициатива, если вслушаться, и по количеству стран – хотя господин Ли говорил: «Тут у нас и так много стран крутится», – и по количеству идей покрывает идею Экономического пояса Шелкового пути. После этого начался интенсивный поиск, что будет дальше. А дальше два варианта событий. Либо эти две инициативы начнут конкурировать друг с другом, что вполне возможно, поскольку Большое евразийское партнерство покрывает инициативу Экономического пояса Шелкового пути, оставляет за ним в большей степени экономический блок. А что касается более широкого блока, тут Валерий Самсонович очень образно сказал: «Автобус-то должен на четырех ногах ездить, а не только на одном экономическом колесе». А Большое евразийское партнерство предлагает весь комплекс решения вопросов. Поэтому я выскажу, может быть, не очень популярную в некоторых кругах мысль, но проведение этой конференции «Один пояс – один путь» во многом вызвано инициативой Владимира Владимировича Путина. То есть надо договариваться. Хотят того или не хотят руководители стран, а это, худо-бедно, более 20 президентов стран. Договариваться и относиться. Как они будут относиться к этим двум инициативам? Какие документы будут подписаны? Это, на наш взгляд, стержень и главная интрига этой встречи. И нужно к ней экспертному и научному сообществу, в том числе научному совету, подключиться.

Первое. Инициатива Большого евразийского партнерства не очень оформлена, то есть нет четких параметров, она не предполагает создание каких-то институтов, требует очень интенсивного обсуждения. Мне кажется, одна из площадок, где можно было бы затеять такое обсуждение, был бы научный совет. Те рекомендации, которые подготовлены для научного совета, они могли бы послужить основой для дальнейшего движения в этом направлении.

Вторая часть. Что бы мы с вами ни говорили, если у нас не будет конкретных больших проектов, которые будет предлагать Россия для решения вопросов, то все остальное утонет в разговорах. Какие проекты? Освещу только один.

В это же время в Архангельске проходит Арктический форум, в нем участвуют 70 крупнейших китайских компаний, в нем принимает участие вице-премьер Китая Ван Ян, и они вместе с Рогозиным подписывают целый ряд соглашений по поводу сотрудничества в Арктике. Китайцы закупили уже 29% нашего «Новатэк», и ясно, что это первые шаги – процесс пошел, и надо договариваться о конкретных действиях. Это тоже предмет нашего обсуждения о конкретных проектах и конкретных предложениях. Спасибо.

Евгений Наумов: Как модератор подчеркну высказанное предложение, важное для научного совета. Мы обсуждали и мы готовы создать в рамках совета некую секцию или комиссию по этому вопросу сопряжения и создания Евразийского союза. Тут говорят, что «Не знаем, как концептуально». Мне кажется, нужно не забывать международную практику.

Когда была война в Израиле, арабские государства создали Арабскую лигу государств, которая признана ООН. И это не экономический союз, как наши ШОС, БРИКС и так далее, а это политический союз, решающий две задачи: обеспечение безопасности и стратегия устойчивого развития этого пространства. Две эти основные задачи должны быть положены в основу создания Большого евразийского партнерства. Название «лига» не очень нравится. Смысл – это политический союз, и он должен быть оформлен по всем правилам и признан ООН. Тем более Сергей Юрьевич говорил о создании модели развития экономики. Она на это должна быть рассчитана.

Мы впишем в решение предложение о создании такой комиссии, секции. Я положение подготовлю. Мне нужно предложение по составу. Спасибо.

Юрий Владимирович.

Юрий Яковец: Взаимодействие крупнейших проектов, которые перекрывают друг друга, но имеют разное содержание. Если Шелковый путь или «Один пояс – один путь» – это, прежде всего, экономическая программа. Если посмотреть, что за этим следует – командная роль китайского огромнейшего растущего капитала над экономикой Евразии, Большой Евразии, перехватывая заодно усилия США в Африке и Латинской Америке. То мега-проект, выдвинутый Путиным, носит иное содержание, и мы дополняем это содержание. Прежде всего, он носит всеохватывающее, то есть он не складывает все яйца в одну корзину, а он дает возможность всем цивилизациям, каждая из которых имеет свой интерес – не только китайская и евразийская, но и индийская, японская, буддийская, мусульманская, западноевропейская, восточноевропейская, каждой найти свое место в той структуре и стратегии трансформации, которая началась и неизбежно предстоит в ближайшие пять-семь лет, вместе с лидерами политическими, а через пять-семь лет этих

лидеров не будет, будут уже лидеры следующего поколения. Но дело не только в смене лидеров, но и в смене эпох. Будет иная эпоха, иные связи, иные приоритеты, сейчас к этому нужно готовиться. С этой точки зрения проект, который выдвигает Россия, более широкий. Если подходит нам как ученым, то видим в этом более глубокий смысл, цивилизационный, как партнерство восьми цивилизаций, включая западноевропейскую, восточноевропейскую, евразийскую, китайскую, японскую, индийскую, буддийскую и мусульманскую, которые в свое время превратятся в пять цивилизаций: это будут цивилизации арабская, персидская, индомусульманская, турецкая (тюркская), и во главе Индонезии тихоокеанско-мусульманская. Уже фактически происходит расплывание этой цивилизации, и видны существенные интересы. Это будет союз 12 цивилизаций из будущих 16. С другой стороны, это 10 цивилизационных объединений, где наравне с БРИКС, ШОС, АСЕАН, Европейским союзом, Евразийским союзом, Лигой арабских стран, Организацией арабских государств, еще есть Черноморское сотрудничество, Средиземноморское сотрудничество. По размаху, как мы придаем этому значение, это гораздо более широкий и более сбалансированный, поскольку мы здесь вкладываем другое содержание. Мы даем шесть составляющих генотипа цивилизаций, и представить взаимосвязано, сбалансированно и синхронизировано происходит трансформации. С другой стороны, метод дополняется генетическим подходом, чего нет ни в Китае, ни в программе Путина, ни в программе ООН. Сейчас мы оцениваем, что происходит смена больших цивилизационных циклов, происходит завершение заката шестого цикла, переход к седьмому циклу, когда намечается становление гуманистической ноосферной цивилизации, и становление пятого поколения евразийской или локальной цивилизации при лидерстве Востока. Лидерство Востока – это факт, не задумка. Поэтому это уже реально происходит, хотя многие этого еще не успели заметить.

[00:16:29]

Третье отличие, что если предыдущие инициативы лидеров партийных государств, но здесь речь идет о лидерстве науки, а наука и должна занимать в таких трансформационных процессах лидирующее место. Неслучайно за четверть века в период российского цивилизационного евразийского кризиса сложились 10-12 научных школ мирового уровня именно у нас в России. Мы сейчас являемся лидерами становления новой парадигмы общественности. Мы закладываем эти основы новых подходов, чего нет на Западе. Поэтому, хотя западная наука сейчас находится в растерянности, ей подходит тот термин, который в заглавии нашей конференции поставлен – «растерянный человек», – у нас формируется сообщество не растерянных ученых, а ученых, которые в течение четверти века, начиная с 1992 года, когда провели первую конференцию, закладывают основы

нового видения и картины мира, по крайней мере в области общественных и экологических наук. Пока мы еще сами не осознали это, нам грех было бы этим воспользоваться и предложить эту научно обоснованную концепцию.

Почему большинство инициатив, которые выдвигают, проваливается? Они несистемные и несбалансированные. Даже то, что принял в сентябре 2015 года огромный саммит ООН – 17 целей устойчивого развития, они бессистемные и несбалансированные. Поэтому пока за эти 1,5 года реального продвижения в направлении реализации нет, наоборот, противоречие упускается, один ряд пунктов упустили.

Я хотел призвать нас как ученых, причем соединиться с учеными Китая... Пока наши потоки развиваются изолированно. У нас тут не только Россия, а целая группа и европейских, и арабских ученых участвуют в нашем движении. Мы уже не раз выступали в ООН на саммите «Рио+10», «Рио+20», но пока участие Китая, хотя Си Цзиньпин объявил на том же форуме в сентябре, что они создают интеллектуальный центр мирового развития, приглашают другие страны. Пока мы никак не можем нащупать, где нам найти этих самых партнеров, потому что такой центр реально создан у нас. У нас крупнейший сильнейший мозговой центр. То, что мы сейчас готовим на базе Ялтинского цивилизационного клуба – это крупнейшая заявка на научно обоснованную программу, по крайней мере до 2030 года, синхронизированной, сбалансированной и научно обоснованной трансформации. Поэтому я придаю очень большое значение нашей инициативе, с которой выступил Путин, считаю, что ей нужно дать глубокую научную основу, потому что у нас нет этой основы. И в ООН нет основы. Хотя создал Пан Ги Мун научно-консультационный совет, но его функции обслуживают секретариат ООН. Пока он собирается один-два раза в год, но результатов пока нет. В целях устойчивого развития он вообще не упоминается. Там мнет ни слова «цивилизация», ни слова «наука». То есть игнорирование науки идет и на мировом, и на других уровнях.

Очень интересным было выступление Си Цзиньпина на совместном заседании Академии наук и Академии инженерных наук Китая, где он очень большое значение придавал научным открытиям и роли науки. Но пока, к сожалению, мы не видим продвижения в этом плане к союзу между нашими странами, между учеными наших стран. Поэтому я считаю, что, может быть, важнейшим результатом создание на базе научного совета РАН как инициативы. Создание такой, не просто на базе наших, но включение союза китайских, западноевропейских. Это будет очень важным шагом к нашему результату.

Евгений Ниумов: Мы создадим комиссию в совете, которая будет научное экспертное сообщество, и она должна разрабатывать эту концепцию Евразийского партнерства, как политический (цивилизационный) союз евразийских государств.

Научный совет уже инициировал ряд проектов, в том числе наше предложение по созданию Центра международного культурного и гуманитарного сотрудничества Музея истории Организации Объединенных Наций. Сейчас кто-то из политиков – по-моему, Аксенов – говорил, что Крым – это время организации Второй ялтинской конференции. Поскольку мы создали клуб, то думаю, что клуб будет в этом отношении активно участвовать, и мы Ялтинскую конференцию проведем на базе Музея истории Организации Объединенных Наций. Там очень интересный проект. Есть принципиальная создания его на базе «Артека», как молодежный центр. Там есть замечательное здание школы. Сам «Артек» – международный лагерь. Мы должны ориентировать все эти наши предложения, программы. Юрий Владимир об этом говорил, подчеркивал, на молодежь, на наше будущее, которое будет с нами работать. Коллеги изъявили желание по линии РАЕН, по линии Организации сотрудничества и так далее.

Поддерживая предложение Юрия Владимировича, еще раз создаем секцию. Будем разрабатывать концепцию развития партнерства, цивилизационного, политического и так далее. И те составляющие, в частности музей. Большой интерес проявили музеи Крыма. Я разговаривал с директором Херсонеса, она сказала: «Замечательно, поддерживаем».

Следующий выступающий Грачев Дмитрий Константинович. Тем более вы представляете молодежную составляющую.

Дмитрий Грачев: Добрый день. Хотел коснуться темы интеграции молодого поколения на евразийском пространстве. Мы очень активно занимаемся темой взаимодействия университетской, образовательной среды, молодежных, предпринимательских объединений и структур. Наши контакты – порядка 15-16 стран: это и национальные университеты, и различные сообщества, и так далее. Наш опыт – где-то два-три года, когда мы находимся в этом процессе. То, что нужно делать сейчас – наиболее актуально, как раз касаясь ЕвразЭС, ШОС, – это создание инфраструктурных площадок, где могли бы на постоянной основе общаться представители разных стран, цивилизаций, как образовательная компонента, как консультативная компонента, определенная поддержка со стороны государственных, общественных организаций. В любом случае, посыл и инициативность у молодежи есть. Но самая главная проблема, которая присутствует не только на территории России, но и на всем Постсоветском и Евразийском пространстве – это слабая активность молодежи. Сейчас нужно, прежде всего, активизировать ее. Вопрос

очень интересный – на базе чего? Какую идеологию, начинку дать, впитать это дело? Вопрос не столько в образовании, сколько в воспитании. Воспитательный компонент, который был в Советском Союзе, был хорошо отработан. Я сегодняшний день этот компонент отсутствует в виде факультативов и прочего. Наша специфика – мы создаем подобного рода площадки.

Нас судьба свела с Ялтинским цивилизационным клубом, мы проработали вопрос. Одна из площадок в городе Уфе, буквально недавно подписали об этом соглашение, это площадка, которая будет объединять представителей молодого поколения разных цивилизаций для того, чтобы они искали на некой поликультурной площадке общие компоненты, но при этом не шло стирание граней. То есть каждый представитель молодого поколения приходит из своей цивилизации, культуры, страны. Это нужно чтить, понимать к определенному сведению и пониманию. На этом фоне нужно искать и какие-то компоненты взаимодействия.

На сегодняшний день, когда существует система мультикультурных, посткультурных отношений, когда пытаются стереть национальные и культурные грани – это очень сложный процесс. Мы ищем компоненты и механизмы. Надеюсь, этот процесс мы продолжим в одной связке с Ялтинским клубом.

Евгений Наумов: Считаю, что вы в этом проекте, о котором я говорил – создание Международного молодежного центра культурного и гуманитарного сотрудничества Музея Организации Объединенных Наций, вы с нами вместе поучаствуйте, тем более процесс там поддержан Аксеновым, МИДом, Ассоциация содействия ООН поддерживает.

Вопрос: Какие языки общения будут у вас у молодежи? Вы будет учить свои китайскому? Как оно развивается?

Дмитрий Грачев: На сегодняшний день опыт общения – если берем английский язык, он вообще не применяется. Это не только пожелание российских участников, но и тех же самых представителей Кыргызстана, Таджикистана, Казахстана, из Постсоветского пространства. На русском языке общаемся.

Реплика: У вас не будет общения, если вы не знаете этих языков. Я профессиональный востоковед, прожил в Средней Азии 15 лет. Работал с востоковедами. Я не совсем представляю это культурное общение. Даже с киргизом, не зная киргизского языка, он будет под вас подстраиваться, и вы никогда его не поймете. И узбек, с которым будете общаться – это совершенно другой человек.

Дмитрий Грачев: На ваш вопрос у меня ответ есть, он достаточно долгий и технологичный. Есть отработанная схема.

Допустим, берем страну Кыргызстан, Казахстан. У нас партнерами являются национальные университеты.

Вопрос: На каком языке они будут выстраивать общение? Вы сказали, что на русском.

Дмитрий Грачев: Вы немножко не дослушали меня.

Реплика: У них проходил саммит ШОС и БРИКС, у них есть педагогический университет, подготовлены очень сильные кадры переводчиков. Они должны были обслуживать этот саммит на всех основных языках участников. Поэтому у них есть государственная база.

Вопрос: У вас есть, кто говорит на этом языке?

Дмитрий Грачев: Есть.

Евгений Наумов: Поскольку выступающий Дмитрий Константинович – председатель общественной организации «Интеллектуальный путь», мы считаем, что новый экономический уклад, о котором говорит Глазьев, он связан с тем, что развитие экономики идет по пути интеллектуализации экономики, то есть экономика становится интеллектуальной, меняется и экономический облик, и система отношений, приоритетов. В основе экономического развития становится не получение сверхприбыли и доходов, а как раз проблема устойчивого развития. Экономика должна быть разумной, поскольку в этом сочетании славянского «Ра» – «бог», «аз» – «я», «ум» – это «дух». Должна выстраиваться эта схема.

[00:31:24]

Юрий Владимирович говорит о том, что нам не просто нужны транспортные коммуникации, но и проекты. У нас научный совет заявил о проекте, называется «Шелковый путь: инновации XXI века». Это создание на базе ведущих университетов... Мы считаем, что надо создавать информационные, аналитические, ситуационные центры, которые будут собирать информацию, анализировать в определенном порядке, предлагать партнерам для реализации. Это основа «Шелкового пути инноваций». Он пройдет не только по территории России, ведущим городам, но и Казахстан, Белоруссия подключатся к этому проекту, далее будет Турция, Индия и так далее. Особо важное значение – вопросы безопасности, потому что информационные войны идут, они явны и вызывают у людей и агрессию, и непонимание. Мы должны преодолевать это путем создания достойных информационных ресурсов, которые будут позиционироваться нашим сообществом.

Харченко занимается очень интересным проектом, касающимся биоагротехнологий. Был большой форум в Ростове...

Александр Харченко: Хочу представиться как председатель Агрокомитета Национальной технологической палаты, вице-президентом которой является Евгений Артурович. Заявлен был доклад Бориса Борисовича Леонтьева. Вот что я вижу самой главной опасностью в этой интеграции. Дело в том, что мы не умеем оценивать свою интеллектуальную собственность, и не умеем ее продавать. Если в таких странах как Япония, которая продает технологии, Израиль, который научился продавать технологии (это бизнес). И мы подразумеваем, что наш обмен идет не в том, что мы строим уме коммунизм, и мы им дарим, а мы сотрудничаем, обмениваемся и имеем взаимный экономический интерес.

Китай сейчас, к сожалению, при нашей абсолютной безалаберности играет роль пылесоса, который с огромной скоростью. Не позднее как две недели назад мы зарезали один конкретный проект. Наши ребята сделали интересные установки по контролю над климатом. Они могут вызывать дождь, могут останавливать дождь. Человека пригласили в Китай, и сказали: «Мы очень хотим с вами сотрудничать». Я ему задал вопрос: «Хорошо. У вас есть международный патент на вашу интеллектуальную собственность?» – «Нет». – «Вы едете туда, вы знаете. Нужно, чтобы у вас патент был» – «Да, китайская сторона сказала, что оплатит патент». – «Уважаемый, есть основное правило, что патент принадлежит не тому, кто автор этого патента, а тому, кто оплатил его регистрацию, и, съездив в Китай, они оплатят патент, и они автоматически становятся владельцами патента. Знаете об этом?» – «Нет». – «Это те грабли, на которые наступают наши люди».

Пример. У вас у всех есть огороды, выращиваете помидоры, картошку. И есть проблемы фитофторы. Лет 15 назад был запатентован метод, как сделать генетическую устойчивость картофеля и томата к фитофторе, было сделано несколько образцов. Я нашел патентовладельцев, пришел к ним, говорю: «У вас работа сделана. Образцы, наверное, есть» – «Есть». – «Дайте мне картошку и томаты посмотреть». Они стали искать, говорят: «У нас был аспирант-китаец, все увез в Китай». Поэтому, когда мы начинаем сотрудничать, у нас должно быть очень четкое понимание, как выстраивать с этими людьми отношение.

Восточные народы сложные. Аскар Акаевич знает, и я в Средней Азии тоже долго прожил. Я могу говорить на языках Средней Азии, Пакистана, Индии. Там все будет выстраиваться совершенно по-другому, не так, как нам кажется. Мы к этому должны очень серьезно готовиться. Спасибо.

[00:37:10]

Борис Леонтьев: Вопрос архиважный. Представьте себе физиков, которые рассматривают космос, и ничего не знают и не говорят про микрочастицы. Или представьте себе биологов, которые вообще не говорят про генетику. Абсурд. А в экономике это происходит. Экономисты говорят о макропроцессах, не говоря о базовых фундаментальных вещах – интеллектуальной собственности. Сегодня в общем зале что было лейтмотивом? Человеческий капитал. А у человеческого капитала есть четкое и конкретное измерение – интеллектуальная собственность.

В 1967 году Всемирной организацией интеллектуальной собственности были определены объекты, мы подписались. Алексей Николаевич Косыгин в 1970 году начал реформу. К сожалению, наши экономисты почти этот момент упустили. В 1980 году в октябре он плохо себя чувствовал, заболел, и через два месяца умер. Но при его жизни мы зарегистрировали 98 тыс. патентов. 13 лет в мире никто этого показателя не мог достичь. Китай потом уже появился, и Соединенные Штаты потом появились. Но мы вместе с реформой Косыгина похоронили там все, и перешли в совершенно другую экономику.

По поводу оценки. Поскольку я почти родоначальник этого дела в Российской Федерации, 40 лет занимался (в советское время 20 лет, и в рыночное 25 лет), и наши методики лучшие в мире, мы оцениваем интеллектуальную собственность по трем параметрам: экономические, юридические и технические. Американцы оценивают только по экономическим показателям. Западноевропейцы отстали от нас в этом вопросе. Инвентаризацию интеллектуальной собственности придумали мы, и ее сейчас использует вся Европа. Без нее управлять интеллектуальной собственностью, понять, чем ты владеешь и управляешь, непонятно. Это сделали мы. Но отношение нашего Правительства к этому вопросу неадекватно.

Во-первых, мы в ТПП вместе с вице-президентом Запаховым в 2013 году опубликовали стратегию интеллектуальной собственности. Сегодня 30 ведущих стран мира, включая Китай, США и прочие страны (Великобританию, Италию, Канаду, Германию, Францию и так далее), все имеют стратегию интеллектуальной собственности. Премьер-министр Российской Федерации сказал: «Нам это не надо». Был сенатор Косоуров, который курировал этот вопрос. Его не переизбрали. Господина Захарова уволили. Поскольку я не в госструктуре, я жив, здоров и на месте. Но я вместе с Юрием Владимировичем Яковцом разрабатывал, Юрий Владимирович был руководителем этой темы, стратегию интеллектуальной собственности Евразийского экономического союза. Важнейший вопрос. Интеллектуальная собственность является тем интеграционным и междисциплинарным началом, на котором интегрируются все науки.

Евгений Артурович говорит про интеллектуальную экономику. Но и юриспруденция становится интеллектуальной, и психология сейчас сюда входит, психология интеллекта, книжки появляются, и философия науки переходит в это русло. Все науки сюда переходят. Технические науки, если там нет патентов, то там нет ничего.

Юрий Владимирович правильно поднял вопрос по поводу научных открытий. РАН отказывается регистрировать научные открытия. Наши юристы говоря, что там нет исключительных прав. Что запрещать? Научные открытия нельзя запрещать. Они не могут интеллектуально преодолеть этот момент, используя стандартную конструкцию, которая есть в патенте. Значит, есть неисключительные права автора, авторство, которое во все времена остается и не передается ни по каким договорам, все договора по передаче авторства считаются в мире ничтожными по международными конвенциями. А передаются, покупаются и продаются исключительные права. Юристы к научным открытиям применяют именно эту конструкцию, она абсурдна и нелепа. Если мы будем продолжать публиковать, как это требуют по разным системам, оценивать интеллектуальный вклад фундаментальных ученых, фундаменталистов, по публикациям, то попадают публикации на Запад, их год читают и вытаскивают оттуда весь изюм, эти же рецензенты публикуют у себя, и у нас никогда не будет приоритета. А потом выходит наша российская статья. Мы с этой системой обречены на то, что у нас никогда не будет никаких научных открытий, у нас никогда не появится нобелевских лауреатов. Поэтому нам нужно здесь зафиксировать, и РАЕН регистрирует научные открытия. Мне не очень нравится процедура, ее надо скорректировать, но сам факт того, что РАЕН регистрирует научные открытия – это очень важно, и их надо использовать. Выявляется какая-то важнейшая закономерность, под которую нужно сразу подводить технарей, которые будут превращать эти закономерности в патенты, а патенты – это база для рынка. Что такое патент? Приобретенный рынок на 20 лет. Если вы его не приобретаете, не регистрируете, то у вас ничего нет. Поэтому, если мы создаем какие-то конструкции, проводим какие-то исследования, и там нет результатов интеллектуальной деятельности в виде патентов, ноу-хау... Кстати, ноу-хау имеют локальное применение, а мировая новизна – это патенты на изобретения. Если этого нет, то там нет ничего.

Мы говорим про инвестиции. Нет инвестиций. А с чего они появятся? Ни один сумасшедший инвестор в мире, если там нет патентов, он трех копеек не вложит. Мы сидим и ждем, когда появятся. Да не появятся они никогда.

Я услышал, что наши не хотят объединяться с Китаем, потому что боятся поглощения. Естественно, потому что китайцы давно занимаются интеллектуальной собственностью, и

их предприятия стоят по материальным активам одну стоимость, а вместе с интеллектуальной собственностью они в 3-5-10 раз дороже. Наши предприятия по стоимости здесь ничтожны, потому что там мизерная доля интеллектуальной собственности, и перспектив у нас никаких нет. Поэтому здесь нужна и стратегия, и здесь нужны механизмы. Я очень жалею, что наши экономические учебники до сих пор без этого ресурса объясняют студентам, аспирантам какие-то экономические механизмы, но базовые экономические механизмы – именно эти, с которых начинаются инновации, которая продуктивная интеллектуальная деятельность, фиксированная и общепризнанная в мире. Ведь в ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности) 190 стран сегодня, подписали все конвенции, мы тоже подписались, но почему-то не используем.

У нас сегодня 26 тыс. изобретений, а при Косыгине было 98 тыс. Сопоставьте, нам надо еще 20 лет, чтобы догнать косыгинский уровень. Что происходит? Вот где педалька, которую нужно педалировать. Спасибо.

[00:46:27]

Вопрос: Мы говорим об интеллектуальной собственности. Но есть еще институт интеллектуальных прав.

Борис Леонтьев: В принципе, это одно и то же. Дело в том, что господин Дозорцев интеллектуальную собственность перевел в интеллектуальные права. Он как раз предложил четвертую часть Гражданского кодекса, и через меня, когда я был редактором отдела четыре года в издательстве «Экономика и жизнь», он через меня все публиковал. Я его поддерживал. Это совершенно гениальный человек, который как таблицу Менделеева всю интеллектуальную собственность изложил в табличном виде. К сожалению, он лет восемь назад умер, но дело его живет, и подавляющее большинство юристов считали, что это шизофрения, в мире этого нет, что он ненормальный человек. Он сделал великолепное дело, собрал всю интеллектуальную собственность в один пучок. Это очень удобно для бизнеса – разбираться. Я говорю о Дозорцеве. Он родил интеллектуальные права, я о нем говорю. Виктор Абрамович.

Евгений Наумов: Скажу несколько слов по этой проблеме, поскольку имел к ней прямое отношение, в том числе я занимаюсь вопросами мониторинга законодательства. У нас в Гражданском кодексе исчез объект интеллектуальных прав, информация. Его вычеркнули. У нас есть интеллектуальная собственность, а информация как объект интеллектуальных прав исчезла. Это не просто так, это происходит почему? Потому что идет конкуренция, идут вопросы захвата прав, продажи. Мы с этим сталкиваемся. Здесь надо помнить о том, что... Начну с шутки. Когда я студентам рассказываю и говорю: «Вы знаете, за что был

наказан человек богом и изгнан в Израиль? Когда змей-искуситель яблоко Еве предоставил, и сказал: "Вы не умрете, но как боги вы будете знать, что такое добро и зло". Что произошло? Просто был передан патент змею на право использования интеллектуальной собственности, которая принадлежала богу. И когда бог увидел, что они попрытались в кусты со стыдами и так далее, он понял, что они вкусили. То есть змей передал патент. И на этой игре – эти патенты, продажи и так далее происходит, – за это человек и изгнан из рая. Поэтому интеллектуальная экономика будет строиться на других принципах и других основах. Это я утверждаю. И там вопросы интеллектуальных прав будут приобретать основное и важное значение.

Пушкин, написав «Евгения Онегина», что приобретает? Интеллектуальные права.

Реплика: Это авторские права, это разное.

Евгений Наумов: Это авторское, но это интеллектуальное право Пушкина.

Интеллектуальные права на информацию – это ноу-хау.

Количество патентов сокращается, потому что обслуживание патентной системы становится очень дорогим, на Западе патент стоит сотни тысяч долларов, и мы не можем патентовать ни у себя, ни в Китае, и так далее. Мы теряем права. Но право авторства и право получения определенных дивидендов автором, оно должно быть закреплено законом. Если Менделеев создал периодическую систему, он должен быть не просто заслуженным ученым, но и небедным человеком. Это известная история, когда собрались три известных изобретателя вооружения (автомат Калашникова, израильская и американская винтовка). Когда Калашникова спросили: «Дорогой, ты, наверное, очень богатый человек», потому что те два с каждого изделия получали по 2-3 доллара дохода, а Калашников ничего не получал. И его автомат по всему миру разошелся, и его производят в разных странах.

Реплика: Подарили автор Калашникова.

Евгений Наумов: Имя Калашникова осталось. Нет законодательного закрепления права автора на получение определенного вознаграждения за его открытие или изобретение. Почему? Если вы продали изобретение, то оно вам не принадлежит.

Реплика: Если бы он зарегистрировал товарный знак «Калашников», то право было бы.

Евгений Наумов: Я это понимаю. Друзья мои, хочу обратить ваше внимание на то, что мы переходим к новому мирохозяйственному укладу, когда будет меняться система отношений.

В Питере приняли Закон «Об экспертизе и экспертной деятельности», разработчиком которого я являлся, от лица палаты и нашего совета. Это кодифицированный акт, он проходил очень сложно, но поддержали в государстве, приняли.

Следующий мы предложили Закон «О научно-технической информации». Есть такие законы, но они слабые, потому что Закон «О научно-технической информации» не включает важные составляющие, касающиеся интеллектуальных прав. Этот закон должен включать в себя как регистрацию объектов интеллектуальной деятельности, имея в виду, что должна быть кодифицированная система информации, чего сейчас нет. Этими вопросами мы занимаемся в рамках совета.

Хочу предоставить слово моему коллеге – это представитель Института Бокерии. Доклад связан с вопросами медицины.

Вячеслав Новицкий: Уважаемые коллеги, сегодня было выступление, которое меня до глубины души задело, а Валерий Самсонович затронул чрезвычайно важный вопрос: для кого мы все это делаем? Мы делаем и должны это делать в первую очередь для человека. Что из себя в первую очередь сегодня представляет человек, какие угрозы сулит ему наш сегодняшний и завтрашний день? Во-первых, это угроза экологии, во-вторых, это информационные угрозы. Мы немножко продвинулись в плане предотвращения некоторых угроз, и на президиуме РАН была поддержана инициатива по созданию научно-образовательного центра в Дубне на базе университета Дубны и Института сердечнососудистой хирургии им. Бакулева. Дело в том, что в структуре этого института уже 15 лет существует лаборатория, которую я возглавляю – Лаборатория энергоинформационных способов диагностики, лечения и реабилитации больных.

Что очень интересно в проекте, который связывает понятие евроазиатства? Каждый со своей стороны мы близки к пониманию того, что мы можем назвать условно или комплементарной, или народной медициной, или то новое название, которое мы сегодня утверждаем – геомедицина. Это очень существенный фактор, который он связывает тесным образом экологические процессы, которые происходят, процессы внутреннего ресурса организма, которые прекрасно используют наши предстоящие партнеры китайцы, потому что у них этой теме посвящено огромное внимание. Поддерживая вашу ступень, мы запатентовали несколько способов такого объединенного воздействия и традиционной медицины, которая есть. Институт очень тонкий, это хирургический институт, там не может быть никаких обманов или мнений по этому поводу. И воздействия планетарного на человека. Лео Антонович Бокерия поддержал эту идею. Будучи великим врачом, потому что для врача очень важна интуиция, он интуитивно поверил, и мы доказали эту позицию.

На сегодняшний день очень важно новое сочетание. Может быть, оно покажется странным для некоторых. В медицине есть термин «деинтоксикация психики» или «деинтоксикация сознания». Вот термин, который выражает структуру сегодняшнего дня. Хорошие экономические успехи, научные успехи, но если у нас сознание будет погружено в нечто непонятное, то это будет проблемная вещь.

Управление погодой. Это дело очень опасное. Лет 10 тому назад мы занимались этими вещами. На уровне Министерства науки и новых технологий был предложен проект, который давал совершенно потрясающие результаты, мы разгоняли облака над Москвой за пять минут. Разгоняли дециметровыми волнами. Но представьте себе периферию. Творилось что-то безумное. Вся эта облачность раздвигалась, и там возникали очень большие осадки.

Просьба. РАЕН нас поддержала в этой инициативе, и подписано соглашение о создании центра. Было бы замечательно, если бы научный совет поддержал эту инициативу, тем более Лео Антонович Бокерия член и РАЕН, и РАН. Это было бы большой перспективой.

[00:59:02]

По информационным процессам. Сегодня говорить о чистой информации уже невежественно, надо говорить всегда об энергоинформационных взаимодействиях. Просто информации не существует, она всегда связана с мощнейшими энергетическими процессами. Я с большой печалью констатирую факт, что в 2005 году был подготовлен законопроект в Комитет по экологии Государственной Думы по энергоинформационной безопасности населения. Мы почти дошли до первого чтения, потом все дело было забыто, и дальше практически была аннулирована Академия энергоинформационных наук. Спасибо за внимание.

Евгений Наумов: Спасибо.

Андрей Островский: Мы немножко ушли в сторону – сопряжение ЕвАзЭС и экономического и Экономического пояса Шелкового пути. Когда я выступал час назад, ко мне подходили, обратили внимание, что «Очень коротко. Вы явно многое недорассказали».

На сегодняшний день основная проблема – как относиться к китайскому проекту.

В конце 2015 года в Институте научно-технического прогнозирования, выступают представители института, и отношение к Китаю следующее. «Цифры у них завышенное – это вранье. Статистика липовая». Второй момент – «Сотрудничать нам не надо. Китайцы

нас обманут». Сегодня этот тезис прозвучал 25 минут назад. Третий тезис про Экономический пояс Шелкового пути: «Это все пропаганда. Ничего этого у них не будет».

На базе китайской статистики международная и мировая статистика строятся: что статистика стран БРИКС, что МВФ, что ООН. Надо исходить из того, что за базу берется китайская статистика и данные ГСУ КНР. Надо к этому относиться более серьезно и не говорить так: «Это нам не нужно». Возникает вопрос: какая у вас есть альтернативная статистика?

По поводу Экономического пояса Шелкового пути, если в 2015 году это уже выглядело все достаточно конкретно, 27 марта 2015 года в Китае вышел основополагающий документ из Канцелярии Госсовета КНР, который сформулировали три ведомства: Министерство иностранных дел, Государственный комитет по развитию и реформам, Министерство коммерции. В документе были обозначены основные направления этого проекта Экономического пояса Шелкового пути. Затем Китай вложил огромные деньги в продвижение этого проекта, как в организацию конференций в разных странах мира от Мадрида до Стамбула, а сейчас будет крупная... Владимир Николаевич рассказывал нам о конференции, которая состоится в КНР в Пекине 14-15 мая, куда был приглашен Владимир Владимирович Путин. На этой конференции – я китаевед, имею больше 40 лет стажа работы с Китаем, – примерно представляю, что перед Владимиром Владимировичем Си Цзиньпин поставит вопрос: «А место России в Экономическом поясе Шелкового пути?», какое наше место в этом проекте, что Россия может дать сегодня. На сегодняшний день, насколько я понимаю, мы находимся несколько в стороне от этого проекта. Предполагалось, что на первом этапе будет крупный транспортный проект – «Москва – Пекин» до 2030 года, будет создана зона свободной торговли. Это второе. Третье: до 2018 года предполагалось построить высокоскоростную железнодорожную магистраль «Москва – Казань». Но вы знаете, что ничего подписано не было. Наверху, насколько я понимаю, точка зрения такая, что «Нам это не нужно», что эта дорога никогда не окупится, что если строить, то неизвестно, что это за китайские технологии укладки полотна. Но дело не в этом, а в том, что если мы будем занимать и дальше такую позицию – я имею не в данном случае по отношению к конкретному проекту, это эксперты должны обсуждать от МИИТ и ряда других структур, в конце концов Академией наук, хотя и находится в непонятном состоянии, но эксперты там есть, конкретные отдельные люди, – надо этим вопросом заниматься.

Основная проблема. Если мы сегодня этим проектом с Китаем, сопряжением европейского и евроазиатского партнерства Экономическим поясом Шелкового пути, не будем сегодня

заниматься, то останемся в стороне от этого проекта. Обсуждали на заседании президиума: «Кем мы будем: штурманами или кочегарами?», там была такая формулировка, а у меня есть подозрение, что мы не будем ни теми, ни другими. Предполагается, что мы должны быть штурманами, но думаю, что не будем даже кочегарами, потому что этот путь пройдет мимо нас, и элементы этого проекта очень четко прослеживаются, как пройдет. Через Казахстан, куда только за один последний год в казахские инфраструктурные проекты было выделено 24 млрд долларов китайской стороной. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций начал работать. Сегодня я слышал из какого-то доклада, что вложил в Пакистан серьезные деньги. Там не только Пакистан, но и Таджикистан, Узбекистан, строительство рокадных дорог вдоль границы. Конкретный пример в Индонезии о реконструкции трущоб в городе Джакарта. Таких проектов девять на 2016 год, еще 12 на 2017 год. Деталей точно не знаю. России там нет ни в проектах 2016 года, в проектах Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, и в 2017 году. Реально где есть Россия – это Фонд Шелкового пути, территория опережающего развития в Амурской области, строительство газоперерабатывающего завода отнюдь не по нашей технологии, а используются дацинские технологии. Но пока, насколько я разговаривал со своими коллегами из Благовещенска, все это застопорилось. Как будет реализовываться, не могу даже предположить себе. Но на сегодняшний день перед нами стоит угроза – мы останемся в стороне от Экономического пояса Шелкового пути, и будем не кочегарами, не машинистами, не штурманами, а окажемся в положении города Великий Новгород, когда строилась дорога «Москва – Санкт-Петербург», Дума Великого Новгорода сказала: «А нам железная дорога не нужна». То же самое было с городом Томском, когда строили Транссиб.

[01:07:41]

Первоначально планировалось строить через город Томск. Томска дума сказала: «Нам не нужно это чудище, которое ходит непонятно куда и непонятно что». Взяли и построили дорогу через селение Новониколаевск, которое в настоящее время зовется городом Новосибирск, и где численность населения уже давно опередила Томск, и по уровню экономического и социального развития тоже. Так что вот наши примерные перспективы. Хотел заострить внимание на этом вопросе участников данной секции, и понять, нужно нам это или нет. Мы должны для себя определиться. Если не нужно, то есть проект, который сегодня на пленарном заседании выдвинул господин Стариков: «Давайте строить железную дорогу, 18 трлн руб., от Владивостока до Минска и до Москвы». Какая будет эта дорога, там потом госпожа Дмитриева совершенно резонно сказала: «Если там будут

Caterpillar и Komatsu, то зачем нам нужна такая дорога?». На этой ноте, может быть, пессимистичной, я хотел завершить выступление.

Евгений Наумов: Мы должны исходить из того, что Россия – это страна, великая тем, что, во-первых, ресурсы в России еще есть, они представляют интерес. Это первое.

Второе. То, что путь короче проходит – этот вопрос можно решать, в том числе строить канал от Каспия до Черного моря. Тоже есть такой очень интересный проект. Самое главное – у нас плохо с деньгами, но у нас мозги есть в России, в отличие Китая, пока еще есть мозги, и они очень сильны. Тогда мы должны исходить, что мы с Китаем, соединяя наши мозги и возможности, но это мозги мы не должны отдавать Китаю просто так, в виде патентов, либо направляя на работу туда, и так далее, а здесь создавать центры для совместного сотрудничества, обучения, подготовки кадров штурманов и так далее, которые будут ориентированы на задачу развития Шелкового пути инноваций XXI века. Поэтому не забывайте о том, что инновации – это интеллектуальные возможности, а у России они есть, и надо только создать условия, чтобы они были востребованы. Спасибо.

[01:10:42]

Сергей Глазьев: Уважаемые коллеги, мы на полях форума сегодня накоротке собрали бюро нашего академического научного совета. К сожалению, так получилось, что одновременно проходит круглый стол по инвестиционному сотрудничеству с Китаем, поэтому у нас китайские коллеги все находятся там. Я благодарен госпоже Цай, которая нашла возможность посетить нас. Она очаровательная женщина, которая много сделала для развития российско-китайского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

Евгений Артурович со свойственным ему энтузиазмом ставит гигантские задачи. В частности предлагает развернуть работу по «Шелковому пути: инновации» в развитие своего тезиса насчет мозгов. Правда, думаю, в Китае уже по количеству ученых и инженеров научный потенциал выше, чем в России, особенно на фоне разгрома Академии наук, который идет уже не первый год. Даже взять соседний факультет, допустим, ВМК или физфак – там почему-то не очень видно российских работодателей, зато очень много с Запада и Востока, уже целые городки наших специалистов. В Китае я таких компактных не встречал. Хотя в Гонконге наши специалисты весьма компактно и неплохо устроились, и реализуют свои творческие возможности весьма успешно.

В Корее, мы знаем, Samsung целый квартал построил для российских специалистов. Нам для того, чтобы удержать умы здесь, и российскую научную школу сохранить, очень важно

в рамках нашего сотрудничества с Китаем искать такие сферы приложения интеллекта, которые представляли бы взаимный интерес для реализации здесь.

Мы видим технологический проект высокоскоростной магистрали. Уже мы пять лет обсуждаем, а до сих пор не начали ничего строить. Сейчас только разрабатывается проект. Мне кажется, предложения заслуживают поддержки – создать секцию нашего научного совета, которая бы постоянно занималась тематикой российско-китайского сотрудничества. Китайские коллеги активно участвуют в научном обмене с Академией наук, и между Московским университетом и Университетом Пекина тоже идет неплохое сотрудничество. Поэтому мы можем собрать здесь неплохой, как мне кажется, совместный коллектив, который был бы вполне интересен и работоспособен с точки зрения научной поддержки и сопровождения инициативы наших глав государств по сопряжению евразийской интеграции Экономического пояса Шелкового пути. Это полностью ложится в тематику нашего совета, который создан по проблемам евразийской интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. Нет возражений?

Реплика: Нет.

Сергей Глазьев: Тогда мы такую секцию создаем, и просим желающих записаться у Евгения Артуровича.

Вопрос: Ниша российско-китайского сотрудничества забита, заполнена, там десятки есть, а ниша Большого евразийского партнерства не заполнена. Поэтому, если мы даем российско-китайское сотрудничество, мы сужаем. А если мы создаем эту группу по Большому евразийскому партнерству, то пока равного этому нет. Можно сделать группу не по российско-китайскому, а вместе с китайцами, но по Большому евразийскому партнерству. Во главе с вами. Я готов помогать.

Сергей Глазьев: Нет возражений.

Реплика: У Министерства экономического развития в последние годы готов большой договор о двухстороннем экономическом сотрудничестве, и там есть большой раздел по интеллектуальной собственности. Мы привлекли к подготовке этого раздела. Не знаю, в каком состоянии сейчас этот договор, но считаю, что вместе с Министерством экономического развития нужно это согласовать и участвовать, потому что там есть очень большие проблемы именно со стороны Министерства экономического развития, у них не хватает компетенций по этим вопросам.

Сергей Глазьев: Сейчас там новый замминистра, он работал торгпредом в Китае, хорошо знает. Он отвечает теперь за внешнеэкономическую деятельность.

Гуйжу Цай: Очень рада принимать участие в вашем круглом столе, заседании бюро научного совета. Спасибо большое всем, что дали возможность выступить. Три года назад мы себе создали такой девиз: используя деньги китайцев, зарабатывать деньги у китайцев. И что касается инвестиций, это очень важно. Я смотрю на вопросы инвестиций в науку со стороны бизнесмена. Если смотреть с моей точки зрения, то необходимо сейчас развивать прикладную науку, которую можно применить. Именно в этой области Китай готов вкладываться. В России сейчас очень много современных технологий, и китайцы тоже должны пользоваться этими технологиями. Например, что касается в производстве продуктов здорового питания, так называемых зеленых продуктов. Также в области медицины, лечения. Например, можно использовать российские натуральные и природные средства и китайские технологии традиционной медициной, совместно соединить, и получатся очень интересные проекты. Можно таким образом получить из Китая инвестиции, чтобы развить это в России, а потом продавать это в Китай, зарабатывать на этом деньги. Это может приветствоваться как с российской, так и с китайской стороны. Китайские инвесторы будут рады принять в этом участие. Наш Комитет китайских предпринимателей в России тоже будет рад принять в этом участие. Спасибо.

Реплика: У нас один самый серьезный вопрос. Когда мы общаемся, у нас идет обмен информацией. Есть то, что называется интеллектуальной собственностью, то есть какие-то открытия, изобретения, которые мы хотим продавать. Готовы ли они к такому сотрудничеству?

Женщина: Интеллектуальная собственность, тоже готовы с ней работать.

Реплика: Наш институт для китайской и российской стороны, когда передавались российские технологии, в частности по медицине, по биологии китайской стороне, то мы делали оценку интеллектуальной собственности. В Китае есть постановление, что не выделяются кредиты малому бизнесу под проекты, если там нет патента.

[01:21:01]

Гуйжу Цай: У вас не было патента, получается?

Реплика: У нас был. Готовы ли вы наши патенты принимать при условии, что международного патента не существует, а есть патенты через систему **DCT** каждой страны.

Реплика: Есть основа.

Реплика: Есть международная заявка.

Реплика: Они очень дорогие, для нас очень дорого. Есть патентные соглашения ЕвразЭС. Может ли какое-то быть патентное соглашение, чтобы мы отправляли не DCT [01:21:51], а создали двухстороннюю систему патентов?

Переводчик: Она эту проблему озвучит с китайским отделом, который занимается наукой.

Реплика: Это самая важная тема в этом широком Шелковом пути.

Реплика: То есть присоединение Китая к Евразийской патентной организации, которая охватывает девять стран.

Переводчик: Госпожа Цай озвучит эту проблему с ответственными лицами, и потом обязательно они с вами свяжутся. Визитные карточки у нее есть.

Реплика: Патентное право – коренной вопрос. Нам в этих отношениях право должно быть. Если мы говорим о евроазиатстве как таковом, то эта позиция, как мне кажется, более существенна.

Переводчик: Они обязательно придумают какой-то способ решения этой проблемы.

Реплика: Двусторонние соглашения.

Переводчик: Она обязательно приложит все усилия, чтобы решить этот вопрос.

Реплика: Тогда будут большие двусторонние потоки.

Евгений Наумов: Для того, чтобы создавать некие союзы, общности, законодательство должно быть гармонизировано, в том числе в области интеллектуальной собственности, в области других законодательных актов, сфере инновационной собственности.

В качестве творческого презента. Написал недавно басню, думаю, она имеет отношение к нашей теме, поэтому, разрешите, прочитаю вам эту басню.

У нас печальные события с Академией наук. Басня называется «Печальная сказка о лесной академии наук».

В лесу сегодня шум и гам. Шептались звери по углам. Узнали, что медведь с шакалом сумели льва уговорить, что Академию наук в лесу пора закрыть. Лев подписал закон, и старый академик слон, известный физик всем вокруг, лишился звания президента Академии наук. Зачем в лесу лесная академия? Без академии лес жил и будет жить. Лев так решил, о чем здесь говорить? В лесу ученых стала тьма, а пользы нет от них ведь ни хрена.

Вот заяц волку заявил: «Меня не трожь, я кандидат наук». Ну, что ж с него возьмешь? Бобер в лесу, и с виду ведь неброский, его прозвали звери Березовский. Он на ручье

орудовал, нахал, березу оптом он китайцам продавал. Китайцы из березы той, обрезав ветки, строгают лихотабуретки. На табуретки спрос у нас сегодня есть, но на науку разве можно сесть?

Мораль для басни такова, что пока в лесу зверья хватает, лев, волки сыты будут, все об этом знают. Сноровка здесь важна, вот ведь в чем штука. И в этом деле не нужна наука.

Так что подумайте, друзья. Спасибо.

[01:27:09] [Конец записи.]